

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ, РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И КНДР

УДК 339.9

Российская политика на корейском направлении: приоритеты, вызовы, возможности

А. Н. Федоровский

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН),
Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23

Для цитирования: Федоровский А. Н. Российская политика на корейском направлении: приоритеты, вызовы, возможности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 191–205. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.205>

Анализируются итоги тридцатилетнего периода российской политики на корейском направлении начиная с установления дипломатических отношений между Москвой и Сеулом в 1990 г. Оцениваются динамика, масштаб и характер экономического взаимодействия двух стран на фоне застоя в этот же период в торгово-экономических связях Российской Федерации и КНДР; особенности южнокорейских инвестиций в российскую экономику. Отмечается отсутствие прогресса в реализации крупных проектов в области транспорта, газовой отрасли и электроэнергетики, предполагающих трехстороннее сотрудничество России, Южной и Северной Кореи. На фоне поддержания политического диалога на двустороннем уровне между Москвой и Сеулом, Москвой и Пхеньяном, неустойчивость межкорейских отношений превратилась в серьезное препятствие реализации трехсторонних проектов. Возможный транзит КНДР в сторону рыночной экономики может стать фактором, способствующим региональному сотрудничеству. Сопоставляются основные вызовы, с которыми сталкиваются Северная и Южная Кореи, их приоритеты во внешней политике, возможности в этих условиях развития межкорейских отношений, а также позиция России и Китая по корейскому урегулированию. Дается оценка перспектив активизации российской политики на Корейском полуострове в области экономики, политики и безопасности. Рассматриваются соотношение российских приоритетов регионального развития с позицией по этому вопросу Республики Корея, интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии с участием Китая, Японии и Республики Корея, а также возможность подключения к ним России.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, КНДР, Корейский полуостров, региональная интеграция, КНР, США, Япония.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

Введение

За минувшие после установления дипломатических отношений между Москвой и Сеулом три десятилетия Россией накоплен большой опыт выстраивания политики параллельного взаимодействия с двумя корейскими государствами. Однако отношения с Республикой Корея и КНДР существенно отличаются по своим качественным и количественным показателям, динамике, роли негосударственных институтов. Общее же, что характеризует связи Москвы с Сеулом и Пхеньяном, проистекает из исчерпания в том и другом случае инерционного развития взаимосвязей, необходимости придания им новых импульсов политического, экономического, правового характера.

Такая постановка вопроса тем актуальнее, что в последнее десятилетие российской дипломатии приходится решать разносторонние задачи в Северо-Восточной Азии (СВА) в условиях динамично меняющейся обстановки на Корейском полуострове и вокруг него. Периодически возникающие здесь новые вызовы и риски требуют адекватного и быстрого реагирования, поиска действенных компромиссных решений как на двустороннем, так и на международном уровнях.

Целью данной работы становится поиск путей реализации потенциала взаимодействия России с двумя корейскими государствами во многих экономических, политических и гуманитарных областях в рамках двусторонних отношений и в намечаемых региональных интеграционных форматах. В этом контексте предлагаемое исследование учитывает теоретические подходы к анализу современных интеграционных проектов, в том числе обозначенные в трудах Роберта Лоуренса, касающихся оценки потенциала Соглашений о свободе торговли и региональных институтов на фоне кризиса глобальных мегапроектов, связанных с обострением проблем в американо-китайских экономических отношениях [1]. Также учитывается обоснование Гаретом Эвансома усиления роли средних государств, включая Республику Корея, способных оказывать воздействие на развитие международных процессов [2].

Итоги переформатирования политики России на Корейском полуострове

Произошедший три десятилетия назад поворот политики Москвы на Корейском полуострове отражал актуальность в сложившихся на тот момент условиях серьезной модификации российской дипломатии на тихоокеанском направлении. В свою очередь корректировка внешнеполитических приоритетов России была вызвана модернизацией внутреннего развития на основе рыночного механизма и потребностью повышать эффективность внешнеэкономических связей в условиях большей открытости страны мировой экономике, обеспечивать оборонные интересы не только военными средствами, но и путем расширения конструктивного диалога со всеми дальневосточными соседями, участвовать в углублении региональных гуманитарных связей.

Главный прорыв произошел в российско-южнокорейских отношениях. С начала 90-х годов покончено с многолетней тотальной конфронтацией. Постоянные контакты между Москвой и Сеулом, в том числе на высшем уровне, консультации

по линиям министерств и ведомств, руководителей регионов, межпарламентские обмены стали повседневной частью взаимодействия России и Республики Корея.

К числу этапных достижений следует отнести заключение в ноябре 2013 г. соглашения о безвизовом порядке взаимных поездок граждан двух стран, придавшее огромный импульс деловым, туристическим, культурным и гуманитарным взаимоотношениям. Примечательно, что в Южной Корее распространение получил лозунг «увидеть Европу через два часа», подразумевающий поездку на российский Дальний Восток. Достаточно сказать, что количество авиарейсов между Владивостоком и южнокорейскими аэропортами к 2020 г. достигло 68 в неделю, что примерно в три раза превышает аналогичный показатель между Владивостоком и городами Японии, чье население вдвое превышает численность жителей южнокорейских городов.

В целом, несмотря на отдельные проблемные этапы, в российско-южнокорейских экономических отношениях идут позитивные процессы. Партнерство с Сеулом позволило Москве сделать шаг в диверсификации торговых, инвестиционных и научно-технических связей, продвинуться в оптимизации транспортно-логистической системы, связывающей российский Дальний Восток с государствами Восточной Азии.

Стабильно расширяются культурные российско-южнокорейские связи, охватывающие разные виды искусства (кино, театр, музыку), а также образовательные программы.

Между тем, если одни цели, поставленные 30 лет назад, оказались достигнуты, то по ряду других важных направлений до сих пор не удалось добиться устойчивой положительной динамики.

В инвестициях сохраняется дисбаланс в пользу Республики Корея, притом что масштаб южнокорейских капиталовложений в российскую экономику еще не достиг значительных масштабов. Величина южнокорейских инвестиций с 1989 г. по 2016 г. в среднем ежегодно составляла около 100 млн долл., накопленный объем достиг к 2016 г. всего лишь 2,5 млрд долл., или 1 % (5 % на Дальнем Востоке) от всех иностранных вложений в российскую экономику [3]. При этом на 2006–2010 гг. приходится 65 % всего объема вложений [4, с. 238]. Вместе с тем необходимо отметить, что из стран Восточной Азии в двадцатку лидеров по накопленным в России прямым иностранным инвестициям помимо Республики Кореи попали лишь Сингапур, Китай и Япония, причем южнокорейские капиталовложения превышали накопленные инвестиции из двух последних стран [5, с. 48–49]. Таким образом, отношения с Республикой Корея иллюстрируют неразвитость взаимных инвестиций России со странами Восточной Азии в целом.

Сотрудничество в научно-технической, образовательной, медицинской областях обладает большим потенциалом.

Тем не менее российско-южнокорейская торговля со времени установления дипломатических отношений пережила значительный рост: объем взаимного товарооборота увеличился с приблизительно 0,2 млрд долл. в 1992 г. до 24 млрд в 2019 г. На торговлю с Республикой Корея приходится 3,7 % российского товарооборота (8-е место). При этом структура двусторонней торговли совпадает со структурой торговли России с большинством промышленно развитых стран. На долю топлива и минеральных ресурсов в российском экспорте приходится около 82 %, про-

довольствия — 9,5 %, металлов — 4 %. В российском же импорте 67 % приходится на машины и оборудование, 16,6 % — на продукцию южнокорейской химической промышленности. [6].

Тем не менее в 2010-е годы в российско-южнокорейских торгово-экономических связях наметился застой, вызванный как нестабильным характером социальных и экономических процессов, влияющих на масштаб инвестиционного и потребительского спроса в России, так и структурными нестыковками двух экономик (табл. 1).

Главная же проблема расширения российского присутствия на Корейском полуострове состоит в том, что не удалось приступить к реализации многомиллиардных проектов, способных сформировать прочный фундамент развития многогранных экономических связей России одновременно с Северной и Южной Кореей. Разочарование в связи с сохранением статуса «замороженных» крупных проектов тем сильнее, что на них всерьез рассчитывали в Москве и Сеуле, а также в Пхеньяне.

Таблица 1. Торговые связи России с Республикой Корея (млрд долл.)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Экспорт	13,3	13,9	14,9	18,1	13,1	10,0	12,1	17,8	16,4
Импорт	11,6	11,0	10,3	9,0	4,5	5,1	6,9	7,0	8,0
Оборот	24,9	24,9	25,2	27,1	17,6	15,1	19,0	24,8	24,4
Торговый баланс	1,7	2,9	3,6	9,1	8,6	4,9	5,2	10,8	8,4

Источник: [7].

Прежде всего это касается модернизации Транскорейской железной дороги и соединения ее с Транссибом, строительства магистрального газопровода, пересекающего всю территорию Корейского полуострова от российско-северокорейской границы до южной его оконечности, прокладки сети переброски электроэнергии с российского Дальнего Востока в Северную Корею.

В связи с этим приходится констатировать, что серьезной проблемой, не решенной в течение прошедших тридцати лет, остается сохраняющаяся стагнация отношений между Россией и КНДР, объективно приводящая к дисбалансу российской политики на Корейском полуострове в пользу Республики Корея (см. табл. 2).

Торговля незначительна по объему и крайне неустойчива. Российский частный бизнес с большой осторожностью относится к деловым операциям с северокорейскими партнерами, не говоря уже о коммерческой деятельности на территории КНДР.

В российском экспорте 61 % приходится на топливо и сырье, 27 — на продовольствие, 6 — на продукцию химической промышленности, 5 — на машины и оборудование. В импорте России из КНДР 24 % приходится на разного рода промышленные изделия, 16 — на продукцию химической промышленности (включая фармацевтику). В итоге на КНДР в российском товарообороте приходится 0,007 % (137 место) [6].

И причиной тому стали не столько поддержка Москвой санкций, введенных Советом Безопасности ООН в связи с реализацией северокорейских военных ракетно-ядерных программ, сколько нестыковка хозяйственных механизмов двух стран, отсутствие современных правовых и страховых гарантий коммерческих операций.

Таблица 2. Торговые связи России с КНДР (млн долл.)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019*
Экспорт	99,2	58,4	103,4	82,2	78,3	68,0	74,2	32,0	44,9
Импорт	14,5	11,1	9,3	10,0	5,7	8,8	3,7	2,0	3,0
Оборот	113,7	69,5	112,7	92,2	84,0	76,8	77,9	34,4	47,9
Торговый баланс	84,7	47,3	94,1	72,2	72,6	59,2	70,5	30,0	41,9

Источник: [7].

Если на уровне малого бизнеса можно с большим или меньшим успехом проводить традиционные сделки купли-продажи (хотя и в этой сфере развитие связей отягощает негативный опыт), то к реализации крупных энергетических и инфраструктурных проектов, которые обсуждаются Россией и ее корейскими партнерами, без прочной договорной базы со строгой системой взаимных обязательств приступать невозможно. Сотрудничеству с КНДР не смогло поспособствовать и списание Россией северокорейских долговых обязательств на сумму приблизительно в 10 млрд долл. Ситуацию усугубляет следование Россией правилам санкционного режима ООН. В результате экономические связи между Москвой и Пхеньяном переживают спад, а российско-корейские отношения не стали интегрированной частью региональных экономических процессов. Соответственно не удалось наладить и трехстороннее взаимодействие, которое могло бы сыграть важную роль в диверсификации внешнеэкономических связей России. В свою очередь, южнокорейская сторона также сталкивается с «политической нестабильностью Северной Кореи», рассматриваемой как препятствие, мешающее «начать строительство Транскорейской магистрали» [8, с. 106].

В итоге России не удалось, в той степени на которую она рассчитывала в начале 90-х годов, за счет повышения уровня деловых связей с КНДР и Республикой Корея воспользоваться сложившимся на Корейском полуострове потенциалом и получить дополнительное окно возможностей расширения своего присутствия в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Межкорейские отношения: взгляд из Москвы

Отношения между Республикой Корея и КНДР характеризуют нестабильность и трудная предсказуемость. Это проявилось, в частности, в 2018–2019 гг., когда периоды активизации диалога и оптимистичных прогнозов развития межкорейских связей сменялись новым охлаждением двусторонних отношений. На колебания переговорных позиции той и другой стороны влияет целый комплекс факторов.

Республика Корея вынуждена принимать во внимание воздействие внутренних и внешних процессов, способных представлять серьезную угрозу политическому курсу президента Мун Чжэ Ина. К числу важнейших социальных и экономических трудностей, приобретших хронический характер, относятся старение населения, низкие показатели рождаемости, безработица среди молодежи, территориальные

диспропорции, а также экологические проблемы. К ним добавляется потребность в дальнейшем стимулировании развития высокотехнологичных отраслей. Решение упомянутых актуальных задач президент Мун Чжэ Ин, объявивший в 2017 г. «Пятилетний план управления государственными делами» и «сто политических задач», надеется обеспечить в 2020–2022 гг. [9].

Ухудшение внутривосточной атмосферы провоцируют последствия торговой войны между США и Китаем, а также кризис в отношениях между Сеулом и Токио. Инерционного негативного влияния данных факторов на южнокорейскую экономику в ближайшей перспективе не удастся избежать даже при позитивном решении возникших между этими государствами проблем.

На этом фоне администрация Мун Чжэ Ина сталкивается с внешнеполитическими вызовами, главные из которых связаны с отсутствием прогресса в межкорейских отношениях. При этом президент Мун Чжэ Ин выражает готовность выстраивать межкорейские отношения, не ограничиваясь решением частных вопросов, а фокусируя внимание на долгосрочных целях формирования «нового порядка на Корейском полуострове, который приведет к созданию нового порядка в Северо-восточной Азии» [10].

Обеспечение нового порядка южнокорейский руководитель соотносит с комплексным решением взаимосвязанных задач политического, экономического, социального и оборонного значения к выгоде Республики Корея и КНДР. Кроме того, южнокорейская дипломатия продолжает попытки расширить свои возможности в диалоге с США, рассчитывая на возможность большего маневра в переговорах с КНДР, сохраняя роль лояльного стратегического союзника.

Беспрецедентная активность в переговорах высших руководителей КНДР и Республики Корея породила в 2018 г. в южнокорейском обществе надежды на снижение напряженности на Корейском полуострове, ожидания заметного развития межкорейских связей в экономической и гуманитарной области. Однако к ощутимым реальным позитивным сдвигам состоявшиеся контакты Пхеньяна и Сеула не привели. Кроме того, КНДР резко отвергает предложения о посредничестве Республики Корея в возобновлении переговоров администрации Д. Трампа и северокорейского руководства. Поэтому нет оснований ожидать активизации межкорейского диалога в ближайшем будущем.

В то же время Сеул продолжает следовать курсом на формирование долгосрочных партнерских отношений с Пекином, учитывая китайский экономический потенциал, а также рассматривая КНР (наряду с США) как ключевое звено обеспечения нормализации ситуации на Корейском полуострове. Отношения с Китаем уже сейчас эволюционируют в сторону все более прагматичных связей, учитывающих интересы Пекина на Корейском полуострове. Президент Мун Чжэ Ин сумел также существенно ослабить к концу 2019 г. остроту кризиса в отношениях с Японией, внося свой вклад в дипломатические усилия двух сторон.

На российском направлении администрация Мун Чжэ Ина продолжает поиск возможности развития конструктивных отношений с тем, чтобы обеспечить диверсификацию своих внешнеэкономических связей и рассчитывая заручиться поддержкой Москвы в развитии межкорейского взаимодействия.

КНДР, со своей стороны, если и не развивается, то все же выживает в условиях санкций, сохраняя контроль правящего режима за внутренними процессами. Во

многим это объясняется тем обстоятельством, что в условиях кризиса в отношениях с США Китай снизил степень своего давления на КНДР. На долю КНР в настоящее время приходится 90 % северокорейской торговли (на Россию — лишь 2 %). [11, с. 67]. В то же время «потепление» политики в отношении Пхеньяна не означает, что Пекин возвращается к концепции поддержки КНДР в качестве «буферного» государства, противостоящего США, Республике Корея и Японии. Более вероятно, что КНР продолжит курс на поддержание сбалансированной политики в отношении Севера и Юга Кореи, чтобы сохранить за собой «свободу рук» в проведении политики, исходя из конкретной ситуации, складывающейся на Корейском полуострове.

Тем не менее необходимо принимать во внимание, что существующие в КНДР серьезные экономические трудности способствуют накоплению внутреннего напряжения, которое в той или иной форме может найти внешнее проявление. Частным примером такого «кризисного выброса» стало столкновение осенью 2019 г. вооруженных северокорейских браконьеров, осуществлявших незаконный лов рыбы в исключительной экономической зоне России, с российскими пограничниками. Трудно предсказать, какую форму и масштабы могут принять проявления этих проблем в дальнейшем, однако Россия как сосед КНДР должна быть готова к кризисным вызовам, а главное — пытаться в кооперации с другими заинтересованными государствами найти формат взаимодействия с Пхеньяном, дабы снизить возможные риски негативных тенденций в северокорейской экономике.

Ситуацию усугубляет то политическое обстоятельство, что отказ от ядерного оружия для администрации Ким Чен Ына, видимо, не было предметом для дискуссии во время дипломатических обсуждений на протяжении 2018–2019 гг. В условиях неготовности президента Д. Трампа идти на какие-либо уступки Пхеньяну относительно сохранения за ним на какой-либо период ядерного статуса и предоставления Северной Корее экономической поддержки, повышается вероятность прогноза российского корееведа О. В. Давыдова о том, что «наиболее вероятным сценарием может стать решение КНДР о выходе из диалога с США, а возможно, и приостановка выполнения всех обязательств по совместной декларации от июня 2018 г.» [12]. Соответственно в отношении договоренностей, зафиксированных в 2018 г. в двух совместных с Сеулом декларациях, касающихся ядерной проблемы, а также мирного урегулирования на Корейском полуострове в целом, «Пхеньян вполне может решиться на их денонсацию, чтобы преподать своеобразный урок своему «ненадежному партнеру» [12]. В этом случае положение на Корейском полуострове грозит вернуться к ситуации 2016–2017 гг., т. е. хроническому балансированию на грани мира и войны.

Но это не снимет вопрос о вероятном транзите Северной Кореи в направлении экономики, все более ориентированной не только на квазирыночные механизмы, как сейчас, но и на полноценный рынок, и заинтересованной в благоприятной внешней среде. Продвигаться к формированию подобного режима будут подталкивать представители бюрократии и связанные с ними группы, на практике использующие в своих интересах формально государственную собственность и заинтересованные в поиске устойчивых источников своих доходов. В какой мере власти смогут сдерживать и контролировать активность такого рода коммерсантов, пойдет ли режим и при каких обстоятельствах на реформаторские шаги, остается

труднопредсказуемым. Как бы то ни было, риски, с которыми сталкивается КНДР, в первую очередь, связаны с внутренними вызовами, и лишь во вторую — с внешними угрозами.

Воздерживаясь от какого-либо вмешательства во внутренние дела КНДР, Россия стоит перед необходимостью обсуждения возможностей и перспектив взаимодействия с региональными державами на Корейском полуострове с целью поощрения рациональных действий северокорейского руководства в экономической сфере, а также создания условия для конструктивного взаимодействия с КНДР при условии возвращения Пхеньяна к обсуждению отказа от ядерного вооружения и поддержания режима его нераспространения. В этом контексте важное значение будет иметь реакция на российско-китайскую инициативу — «План действий» по комплексному урегулированию проблем Корейского полуострова, развивающий разрабатываемые Москвой и Пекином с 2017 г. предложения по нормализации ситуации на Корейском полуострове [13].

Перспективы взаимодействия России с корейскими государствами

Дальнейшие перспективы политики России на Корейском полуострове связаны с влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Говоря о внутренних аспектах формирования условий продвижения российско-корейских отношений, следует подчеркнуть то уникальное обстоятельство, что лишь параллельное преодоление в каждой из трех стран преград экономическому развитию может стать залогом успешного трехстороннего сотрудничества в экономических, политических и гуманитарных областях. Именно так стоит вопрос на повестке дня, но решение данной проблемы представляется в ближайшей перспективе трудноразрешимым. Перед Россией и Республикой Корея стоят сложные вызовы, связанные с необходимостью обеспечить условия модернизации страны, поддержания динамики развития, необходимой для решения актуальных социальных проблем. Тем не менее главный ограничитель трехстороннего взаимодействия связан с проявлявшейся до сих пор неспособностью северокорейского режима перейти к полноценной рыночной экономике и открытости.

Это не значит, что не имеет смысла для России расширять возможности двусторонних отношений с РК и КНДР и подготавливать условия для возможного многостороннего сотрудничества на Корейском полуострове уже в среднесрочной перспективе.

В России важной предпосылкой взаимодействия с южнокорейской экономикой становится изменение внутренней отраслевой структуры. Между тем в 2010–2018 гг. доля сырьевых отраслей выросла с 34 % до 39 %, тогда как доля обрабатывающих производств сократилась с 53 % до 51 %. При этом в структуре обрабатывающих отраслей с 17 % до 23 % увеличилась доля производства нефтепродуктов, тогда как металлургии и машиностроения — сократилась [14]. Сохранение данной тенденции ограничивает маневренность российской экономики, ее адаптивность к изменению внешних условий.

Лишь структурная перестройка в пользу обрабатывающих производств, прежде всего инновационных отраслей и сферы услуг, может создать прочную базу для развития устойчивых коммерческих связей с самыми перспективными от-

раслями южнокорейской экономики. Дабы переломить негативные тенденции, принятая в России программа национальных проектов предполагает поддержку в первую очередь повышения уровня человеческого капитала в контексте опережающего роста инновационных отраслей. Именно на этой базе, в случае позитивных результатов намеченных программ, могли бы завязаться динамичные российско-южнокорейские обмены.

Кроме того, потенциал взаимовыгодного внешнего взаимодействия связан с возможностью оптимизировать роль российского Дальнего Востока в российско-корейских связях. Причем речь идет о привлечении в регион как иностранных инвестиций и технологий, так и товаров и услуг. Доля поставок дальневосточных товаров (в том числе сжиженного природного газа, угля, леса, рыбы и морепродуктов) в российском экспорте составила в 2018 г. 74 %, тогда как в импорте — всего 8 %. Потенциал наращивания экспорта топлива и сырья еще существует, но имеет свои пределы. Между тем величина импорта сократилась с 1,5 млрд долл. в 2013 г. до 0,5 млрд долл. в 2018 г. На Дальний Восток приходится все еще незначительная доля южнокорейских инвестиций в Россию — 117 млн долл., или 4,7 % [15, с. 117–118].

Перекося в балансе экспорта и импорта во внешней торговле российского Дальнего Востока во многом носит объективный характер. Однако существуют резервы корректировки существующего дисбаланса за счет участия южнокорейских компаний в развитии строительного сектора, инвестиций в развитие здравоохранения, сельского хозяйства. Новые коммерческие и социальные проекты могли бы стимулировать занятость и спрос на инвестиционные и потребительские товары, в том числе импортируемые из Южной Кореи.

В последние годы в результате активной государственной политики стимулирования аграрного бизнеса производство в России продовольствия на внутренний рынок и на экспорт устойчиво растет. Если в целом в 2019 г. российская экономика выросла на 1,3 %, то рост сельскохозяйственного производства составил 4,1 %. Рентабельность (по EBITDA) тепличного производства овощей в 2019 г. составила 52 %, говядины — 45 %, свинины — 31 %, молочной продукции — 35 %. [16]. Сложившиеся в этой отрасли тенденции стимулируют приток иностранных инвестиций, что может привлечь внимание инвесторов из Республики Корея. Готовая продукция могла бы быть направлена не только на внутренний рынок, но реализована также на Корейском полуострове, в Китае и другие странах.

Оценивая ситуацию в более широком аспекте, следует отметить, что России приходится считаться с тесной взаимозависимостью в регионе политики и экономики. На Корейском полуострове перед Москвой стоит задача повысить свою роль в корейском урегулировании. Отсюда злободневность продвижения в переговорах с партнерами идеи создания многостороннего консультативного механизма с участием заинтересованных государств. Только при нормализации политической обстановки на Корейском полуострове, стабилизации межкорейских отношений и наличия доверия к действиям КНДР возможно для России реальное вовлечение в реализацию здесь энергетических, транспортных и других крупных проектов.

В этом вопросе во многом решающее значение будет иметь способность Северной Кореи перенести акцент своего развития с поддержания военно-промышленного комплекса на развитие гражданских отраслей экономики. Конкретные шаги

по внедрению рыночного механизма, правового обеспечения коммерческой деятельности иностранного бизнеса, включая страхование капиталовложений, создали бы предпосылки для реализации инвестиционных проектов, которые давно стоят в повестке дня.

В частности это непосредственно относится к перспективам создания транспортно-логистических коридоров в России, которые были бы интегрированы с процессом модернизации и расширения инфраструктуры в США. Подобные идеи в практическом плане реализуются Пекином в рамках стратегии «Пояса и пути», а также активно прорабатываются Сеулом.

Дальнейшее развитие стран региона требует преодоления «узких мест» в транспортном обеспечении кооперационных связей и поставок готовой продукции. Между тем наметился дисбаланс в темпах развития а) индустрии и инфраструктуры; б) транспортных систем отдельных стран региона.

Следует также учитывать, что преодоление сложившихся в данной сфере проблем рассматривается странами региона в широком контексте: современная транспортная сеть подразумевает повышение экономического потенциала в целом за счет укрепления индустриального комплекса, достижения нового уровня научного, инновационного и кадрового потенциала, способствуя при этом решению актуальных социальных проблем.

Наконец, степень развития транспортно-логистических коридоров, их экономичность, альтернативность и многообразие при обеспечении необходимой совместимости становится важным фактором поддержания высокой конкурентоспособности, безопасности и независимости от конъюнктурных колебаний и изменения внешнеполитической обстановки.

Все это предопределяет стремление заинтересованных стран не только к участию в транспортно-логистических проектах, но и к возможности определения их содержательного наполнения.

Озвученную в августе 2018 г. инициативу южнокорейского президента Мун Чжэ Ина о создании железнодорожного сообщества шести стран (Республики Корея, КНДР, России, Китая, США и Японии) можно рассматривать как такого рода попытку, непосредственно связанную с южнокорейской программой создания на Корейском полуострове «трех экономических поясов» [17]. В свою очередь, комплексная концепция Сеула по межкорейскому сотрудничеству при поддержке региональных держав подразумевает активную роль в этом процессе России. Озвученный Мун Чжэ Ином в 2017 г. принцип «девяти мостов» (транспортировка природного газа, электроэнергетика, железные дороги, порты, судостроение, сельское хозяйство, рыбная отрасль, Северный морской путь, создание рабочих мест) адресован России в качестве проекта двустороннего сотрудничества, но фактически речь идет о ее возможном подключении к межкорейскому экономическому сотрудничеству. Приверженность данному принципу была подтверждена южнокорейской стороной во время визита президента Мун Чжэ Ина в Россию в 2018 г. [18].

Оценка перспективности данного предложения связана с характером возможной эволюции ситуации на Корейском полуострове. В этом контексте России предстоит проанализировать приоритеты своего вовлечения в международную транспортно-логистическую кооперацию. Участие России в повышении эффективности

работы транспортных коридоров, включая Северный морской путь, а также имеющийся потенциал транспортного машиностроения создают дополнительную основу для взаимодействия со странами СВА. Значительным потенциалом обладают проекты взаимосвязанного развития железнодорожной и морской транспортной инфраструктуры, развитие портовых сооружений, в том числе для расширения российских и транзитных перевозок. В связи с этим сохраняется необходимость оценки перспективности трансконтинентального транспортного коридора, соединяющего Тихоокеанскую Азию и Европу.

Важным аспектом интернационализации российско-корейских отношений становится не только заключение Соглашения о свободной торговле (ССТ) между Россией и Республикой Корея, но и подключение России к интеграционному процессу, намечаемому в СВА. Безусловно, решение данного объективно сложного вопроса усугубляется тем обстоятельством, что Москве приходится координировать свои внешнеэкономические шаги с партнерами по ЕАЭС. Кроме того, Пекин, Токио и Сеул вынуждены вести непростые переговоры о перспективах интеграции в рамках «тройки» и не ставят вопрос о подключении к этому процессу других государств.

Тем не менее для России целесообразно следить за перспективами интеграционного сближения в СВА с тем, чтобы не упустить возможность выгодного взаимодействия с соседями по региону. Тем более, что в г. Чэнду (административный центр провинции Сычуань, КНР) 24 декабря 2019 г. состоялась встреча премьера госсовета КНР Ли Кэцзяня, южнокорейского президента Мун Чжэ Ина и премьер-министра Японии Синдзо Абэ. Последний саммит такого рода прошел в 2015 г. в Сеуле. Таким образом, состоявшиеся переговоры лидеров первой, второй и четвертой азиатских экономик продолжают трехсторонние контакты на высшем уровне, начатые в 2002 г., которым периодически мешали экономические и политические противоречия, проявлявшиеся (порой в острой форме) на двухстороннем уровне. Достаточно, например, в связи с этим упомянуть дипломатический японо-южнокорейский конфликт 2019 г., повлекший за собой взаимное введение торгово-экономических ограничений. Ухудшение двухсторонних отношений, в частности, привело к снижению японского экспорта в Южную Корею за 11 месяцев 2019 г. на 11,6 % [19].

Побудить три страны к возобновлению переговоров о возможности заключения многостороннего ССТ подтолкнула, во-первых, неудовлетворенность состоянием экономического взаимодействия. Доля торговли в рамках «тройки», несмотря на огромный экономический потенциал, составляет лишь около 19 %, что уступает аналогичным показателям НАФТА (42 %), ЕС (65 %) и АСЕАН (24 %) [20]. Во-вторых, Китай, Япония и Южная Корея, хотя и в разной степени, ощутили на себе негативные последствия протекционистской политики администрации Д. Трампа. В-третьих, обсуждение вопросов безопасности в СВА, в том числе на Корейском полуострове, затрудняется в условиях нерешенных торговых конфликтов и ограничений. В итоге, несмотря на сохраняющиеся двухсторонние противоречия, совпадение интересов по ряду ключевых вопросов формирует предпосылки для возобновления переговоров по ССТ.

Состоявшаяся встреча продемонстрировала стремление Китая возглавить международные усилия по содействию мировой торговле на региональном и гло-

бальном уровнях, перехватив в этом вопросе лидерство у США. Япония и Республика Корея в свою очередь пытаются воспользоваться новыми открывающимися возможностями доступа к китайской экономике и принять активное участие в определении правил игры на мировом рынке. В то же время лишь продолжение обсуждения поднятых в Чэнду актуальных тем в 2020 г. должно показать, насколько успешно стороны продвигаются к подписанию трехстороннего ССТ.

Привлекая к совместным действиям в этой группе в качестве партнера Москву, Сеул мог бы с выгодой для себя способствовать решению ряда актуальных для СВА задач, а также повысить свою роль на международной арене. Россия, учитывая ее скромную роль в региональных экономических процессах, едва ли может претендовать на первом этапе на полноправное участие в намечаемом альянсе. Однако у Москвы есть основания рассчитывать на роль равноправного участника ряда региональных проектов, которые могли бы проводиться под эгидой «тройки». Например, энергетического, транспортного, проекта освоения биоресурсов прибрежных морей, экологического, научно-технического, медицинского и т. д.

Заключение

Переформатирование политики России на корейском направлении тридцать лет назад привело к формированию конструктивных разносторонних связей с Республикой Корея при одновременной стагнации российско-северокорейских отношений. В то же время не удалось реализовать трехсторонние инфраструктурные и энергетические проекты, которые могли бы поспособствовать расширению торгово-экономических связей с двумя корейскими государствами. Дальнейшее развитие российско-корейских отношений требует придания нового импульса взаимодействию на двустороннем уровне (что во многом зависит от позитивных перемен в КНДР), продвижения на пути к снижению напряженности на Корейском полуострове и поддержания диалога России с региональными державами, а также поиска оптимизации сотрудничества в СВА в рамках интеграционных соглашений.

Литература

1. Lawrence R.Z. Can the Trading System Survive US-China Trade Friction? // *China and World Economy*. 2018. Vol. 26, no. 5. P. 62–82.
2. Evans G. Australia and South Korea Strengthening Middle-Power Bonds // *Global Asia*. 2018. Vol. 13, N 2. P. 74–81.
3. Промышленная революция усилит Россию // *Газета.ru*. 2018. 20 июня. URL: <https://gazeta.ru/business/2018/06/19/11807491.shtml> (дата обращения: 16.02.2020).
4. Бён Хон Сон. Перспективы российско-корейского сотрудничества в сфере инвестиций и развития Дальнего Востока // *Перспективы российско-корейских отношений на период до 2030 г.* Рабочая группа ДРПК «политика и международные отношения». Сеул: Издательство «Диалог Россия — Республика Корея». 2016. С. 235–266.
5. Кузнецова О. Восточный вектор инвестиционных связей России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 2. С. 47–57.
6. Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/tor> (дата обращения: 16.01.2020).
7. Trade Map. International Trade Statistics. URL: <https://www.trademap.org/tradestat> (дата обращения: 15.02.2020).
8. Сонг Бьюнг Джик. Новые перспективы сотрудничества Республики Корея и Российской Федерации на Дальнем Востоке // *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. № 4. С. 104–110.

9. 100 Policy Tasks. Five-year Plan of the Moon Jae-in Administration // Korea/net. URL: www.korea.net/Resources/Publications/About-Korea/view?articleId=7959 (дата обращения: 21.01.2020).
10. *Choi He-Suk*. Moon says “new order” being formed on Korean Peninsula // The Korea Herald. 08.10.2018. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181008000554> (дата обращения: 14.01.2020).
11. *Бульчев Г. К., Корзун И. А.* Санкции и их последствия для торговли и экономики КНДР // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5 (2). С. 64–75.
12. *Давыдов О. В.* Почему пробуксовывает процесс ядерного урегулирования на Корейском полуострове // Сайт ИМЭМО РАН. 16.12.2019. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=5537&p=27ret=527 (дата обращения: 22.12.2019).
13. Foreign Minister Sergey Lavrov’s statement at a joint news conference following talks with Foreign Minister of the Republic of Korea Kang Kyung-wha Moscow, June 17, 2019 // Сайт МИД РФ. 17.06.2019. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3686129?p_p_id=101_INSTANCE_xK1BhB2bUjd3&_101_INSTANCE_xK1BhB2bUjd3_languageId=en_GB (дата обращения: 11.07.2019).
14. *Мереминская Е., Черванная А., Ястребова С.* Индустрия сменила год // Ведомости. 2020. 18 февраля. С. 4.
15. *Забровская Л.* Экономические связи российского Дальнего Востока с корейскими государствами // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 11. С. 114–121.
16. *Бурлакова Е.* Маржа в тепличных условиях // Ведомости. 2020. 19 февраля. С. 12.
17. Moon Jae-In’s policy on the Korean peninsula. A peninsula of peace and prosperity. Seoul: Ministry of unification, 2018. 35 p.
18. Мы вместе стремимся к общей цели // Интервью президента Республики Корея Мун Чжэ Ина «Российской газете». 21.06.2018. URL: <https://rg.ru/2018/06/21/mun-chzhe-in-rasskazal-o-perspektivah-sotrudnichestva-rossii-rk-i-kndr.html> (дата обращения: 23.02.2020).
19. *Ivanovitch M.* China-Japan-South Korea Summit: Business alone won’t heal deep wounds // CNBC. 30.12.2019. URL: <https://cnbc.com/2019/12/30/china-japan-south-korea-summit-business-alone-wont-heal-deep-wounds.html> (дата обращения: 10.02.2020).
20. *Danson Cheong.* China, Japan, South Korea leaders to promote free trade regime, North Korea — US dialogue. URL: <https://www.straitstimes.com/asia-east-asia/china-japan-south-korea-to-promote-north-korea-us-dialogue> (дата обращения: 24.12.2019).

Статья поступила в редакцию 19 января 2020 года
Статья рекомендована в печать 15 апреля 2020 года

Контактная информация:

Федоровский Александр Николаевич — д-р экон. наук, вед. науч. сотр.; a.fedorovsk@imemo.ru

Russian politics in the Korean direction: Priorities, challenges, opportunities

A. N. Fedorovsky

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoiuznaia ul., Moscow, 117997, Russian Federation

For citation: Fedorovsky A. N. Russian politics in the Korean direction: Priorities, challenges, opportunities. *Vestnik of Saint Petersburg University, International Relations*, 2020, vol. 13, issue 2, pp. 191–205. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.205> (In Russian)

This article analyses the results of thirty years of Russia’s policy towards the Korean peninsula, since the establishment of diplomatic relations between Moscow and Seoul in 1990. The dynamics, scale, and nature of the economic interaction between the two countries are assessed against the backdrop of stagnation, in the same period, in trade and economic relations between Russia and the DPRK. The main trends of South Korean private investments in Russia are examined. A lack of progress is observed in the implementation of major projects in transport, gas industry, and electric power industry, which imply trilateral cooperation be-

tween Russia, South Korea, and North Korea. Despite political dialogue at a bilateral level between Moscow and Seoul, Moscow and Pyongyang, the instability of inter-Korean relations has become a serious obstacle to the implementation of trilateral projects. The main challenges faced by North and South Korea, their priorities in foreign policy, the possibility of developing inter-Korean relations in these conditions, and the position of Russia and China on a Korean settlement are compared. The possible economic transition of DPRK to a market economy is also analysed as a factor in regional cooperation. The role and position of Russia and China on negotiations of North Korea's missile and nuclear projects are described as well as the assessment of prospects for strengthening Russian policy on the Korean peninsula in economics, political and security issues. Lastly, the correlation of Russian regional developmental priorities with the position of South Korea on this issue is considered and an outlook on the integration processes in Northeast Asia with the participation of China, Japan, and the ROK, and the possibility of Russia's cooperation, is provided.

Keywords: APR, Indo-Pacific region, regional integration, mega-projects, USA, China, Japan, India, the Republic of Korea, Russia.

References

1. Lawrence, R. Z. (2018), Can the Trading System Survive US-China Trade Friction? *China and World Economy*, vol. 26, no. 5, pp. 62–82.
2. Evans, G. (2018), Australia and South Korea Strengthening Middle-Power Bonds, *Global Asia*, vol. 13, no. 2, pp. 74–81.
3. The industrial revolution will strengthen Russia, (2018), *Gazeta.ru*, June 20. Available at: <https://gazeta.ru/business/2018/06/19/11807491.shtml> (accessed: 16.02.2020). (In Russian)
4. Ben Hong Sop (2016), Prospects for Russian-Korean cooperation in the field of investment and development of the Far East, *Perspektivy rossiisko-koreiskikh otnoshenii na period do 2030 g. Rabochaia gruppа DRRK "politika i mezhdunarodnye otnosheniia"*. Seoul, "Dialog Rossiia — Respublika Koreia" Publ., pp. 235–266. (In Russian)
5. Kuznetsova, O. (2018), Eastern vector of investment relations in Russia, *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 62, no. 2, pp. 47–57. (In Russian)
6. *Foreign Trade of Russia*. Available at: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/tor> (accessed: 16.01.2020). (In Russian)
7. Trade Map, *International Trade Statistics*. Available at: <https://www.trademap.org/tradestat> (accessed: 15.02.2020).
8. Song Byung Jik (2019), A new perspective for cooperation between the Republic of Korea and the Russian Federation in the far East, *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 4, pp. 104–110. (In Russian)
9. 100 Policy Tasks. Five-year Plan of the Moon Jae-in Administration, *Korea/net*. Available at: www.korea.net/Resources/Publications/About-Korea/view?articleId=7959 (accessed: 21.01.2020).
10. Choi He-Suk Moon says "new order" being formed on Korean Peninsula (2018), *The Korea Herald*, October 8. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181008000554> (accessed: 14.01.2020).
11. Bulychev, G. K., Korgun, I. A. (2019), Sanctions and their consequences for North Korea's trade and economy, *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 5 (2), pp. 64–75. (In Russian)
12. Davydov, O. V. (2019), Why is the nuclear settlement process on the Korean Peninsula stalling, *IME`MO RAN*, December 16. Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=5537&p=27ret=527 (accessed: 22.12.2019). (In Russian)
13. Foreign Minister Sergey Lavrov's statement at a joint news conference following talks with Foreign Minister of the Republic of Korea Kang Kyung-wha Moscow (2019), *MID RF*, June 17. Available at: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra//asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3686129?p_p_id=101_INSTANCE_xK1BhB2bUjd3&_101_INSTANCE_xK1BhB2bUjd3_languageId=en_GB (accessed: 11.12.2019).
14. Mereminsky, E., Cervone, A., Yastrebova, C. (2020), The industry changed the year, *Vedomosti*, February 18, p. 4. (In Russian)
15. Zabrovskaya, L. (2019), Economic relations of the Russian Far East with the Korean States, *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 63, no. 11, pp. 114–121. (In Russian)
16. Burlakova, E. (2020), Margin in greenhouse conditions, *Vedomosti*, February 19, p. 12. (In Russian)

17. *Moon Jae-In's policy on the Korean peninsula. A peninsula of peace and prosperity* (2018), Seoul, Ministry of unification.

18. Together we strive for a common goal (2018) *Rossiiskaia gazeta*, June 21. Available at: <https://rg.ru/2018/06/21/mun-chzhe-in-rasskazal-o-perspektivah-sotrudnichestva-rossii-rk-i-kndr.html> (accessed: 23.02.2020). (In Russian)

19. Ivanovitch, M. (2019), China-Japan-South Korea Summit: Business alone won't heal deep wounds, *CNBC*, December 30. Available at: <https://cnbc.com/2019/12/30/china-japan-south-korea-summit-business-alone-wont-heal-deep-wounds.html> (accessed: 10.02.2020).

20. Danson Cheong, *China, Japan, South Korea leaders to promote free trade regime, North Korea — US dialogue*. Available at: <https://www.straitstimes.com/asia-east-asia/china-japan-south-korea-to-promote-north-korea-us-dialogue> (accessed: 24.12.2019).

Received: January 19, 2020

Accepted: April 15, 2020

Author's information:

Aleksandr N. Fedorovsky — Dr. Sci. in Economics, Chief Research Fellow; a.fedorovsk@imemo.ru